

РУССКИЙ РОМАНТИЗМ ОТ ЛЕРМОНТОВА ДО НАБОКОВА.

Рецензия на книгу:

Вайскопф М. Агония и возрождение романтизма.

М.: Новое литературное обозрение, 2022. 600 с.

А.М. Ранчин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт научной информации по общественным наукам РАН;
Москва, Россия; aranchin@mail.ru*

Аннотация: Анализ романтической традиции в русской литературе — сквозной сюжет сборника «Агония и возрождение романтизма». Главные объекты исследования — стиль (сюжетные мотивы, образы, словесные формулы) известных писателей-романтиков на фоне современной им словесности второго и третьего рядов и реминисценции из романтических сочинений в творчестве авторов позднейших эпох. Книга Михаила Вайскопфа — важное научное исследование. Выявленные переключки произведений Лермонтова и Гоголя с современными им романтическими произведениями — чрезвычайно ценный результат: на этом фоне более очевидно, что принадлежит эпохе, являясь общим достоянием, а что относится к художественным открытиям того или иного писателя. Интересна и убедительна интерпретация «Крысолова» А. Грина, в котором обнаруживается символика, восходящая к юдофобской мифологии. Большое значение для комментирования и исследования сочинений Набокова русского периода имеют многочисленные реминисценции преимущественно из романтических и неоромантических сочинений, указанные ученым. Книге явно недостает теоретической рефлексии над обнаруженными переключками текстов. Не разграничены нефункциональные вкрапления «чужого текста» — заимствования (это случай Лермонтова и Гоголя) и значимые отсылки к чужим текстам — реминисценции (случай Набокова). Этот изъян объясняется тем, что «Агония и возрождение романтизма», несмотря на присутствие в книге нескольких магистральных сюжетов, — не монография, а сборник статей, написанных в разное время.

Ключевые слова: М.Я. Вайскопф; романтизм; М.Ю.Лермонтов; Н.В. Гоголь; Л.Н. Толстой; А.А. Фет; А.А. Блок; В.В. Набоков; традиция; претексты; топики; реминисценции

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01-19

Для цитирования: Ранчин А.М. Русский романтизм от Лермонтова до Набокова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 229–234.

**RUSSIAN ROMANTICISM FROM LERMONTOV
TO NABOKOV. Weisskopf M.M. Agony and the Revival
of Romanticism. Moscow, *Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.*,
2022. 600 p.**

Andrey Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

Abstract: The analysis of the romantic tradition in Russian literature is a cross-cutting plot of the collection *Agony and the Revival of Romanticism*. The main objects of research are the style (plot motifs, images, verbal formulas) of famous romantic writers against the background of their contemporary literature of the second and third rows and reminiscences from romantic writings in the works of authors of later eras. Mikhail Weisskopf's book is an important scientific study. The revealed echoes of the works of M. Lermontov and N. Gogol with contemporary romantic works are an extremely valuable result: against this background, it is more obvious what belongs to the era, being a common property, and what belongs to the artistic discoveries of this or that writer. An interesting and convincing interpretation of *The Pied Piper* by A. Grin, in which symbolism is found, goes back to Judeophobic mythology. Of great importance for commenting and researching the works of V. Nabokov of the Russian period are numerous reminiscences, mainly from romantic and neo-romantic works, indicated by the scholar. The book is clearly lacking in theoretical reflection on the found textual overlaps. Non-functional inclusions of 'alien text' — borrowings (this is the case of Lermontov and Gogol) and significant references to other texts — reminiscences (the case of Nabokov) are not distinguished. This flaw is explained by the fact that *The Agony and Revival of Romanticism*, despite the presence of several main plots in the book, is not a monograph, but a collection of articles written at different times.

Keywords: M. Ya. Weisskopf; romanticism; M. Yu. Lermontov; N.V. Gogol; L.N. Tolstoy; A.A. Foeth; A.A. Blok; V.V. Nabokov; tradition; pretexts; topic; reminiscences

For citation: Ranchin A.M. (2024) Russian Romanticism from Lermontov to Nabokov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 229–234.

Новая книга Михаила Вайскопфа во многом продолжает его содержательную монографию «Влюбленный демиург: метафизика и эротика русского романтизма» (М.: Новое литературное обозрение, 2012). В первой части, озаглавленной «Романтизм на излете», преимущественно рассматривается творчество Лермонтова, Гоголя и традиции русской словесности 1830-х годов в «Войне и мире» Льва Толстого. Аналогичным образом построен третий раздел «Агонии и возрождения...» — «Посмертные приключения романтизма», где собраны работы, посвященные специфически романтическим

или актуальным для романтизма сюжетам, мотивам и образам у разнообразных русских писателей 1900–1930-х годов: Блока, Грина, Булгакова, Андрея Белого и других. Вторая часть книги, названная «Голубая тюрьма: очерки о Фете», как и часть четвертая, которая озаглавлена «Набоков, или Воскресение романтизма», отличаются большей цельностью и являются своеобразными «микромонографиями» внутри сборника.

Главные объекты исследования в «Агонии и возрождении романтизма» — стиль (сюжетные мотивы, образы, словесные формулы) известных писателей-романтиков на фоне современной им словесности второго и третьего рядов и реминисценции из романтических сочинений в творчестве авторов позднейших эпох. Так, в первой статье сборника, которая названа «Творчество Лермонтова как агония романтизма», для лирического сюжета «Пророка» указан «довольно аляповатый прецедент» (34) — рассказ об африканских поэтах из романа Николая Полевого «Абадонна» (1834). Менее очевидна указанная Михаилом Вайскопфом зависимость «Трех пальм» от сравнения героев повестей А.В. Тимофеева «Чернокнижник» (1836) и Елены Ган «Идеал» (1837) с цветком, гибнущим в пустыне.

Высокая частотность у Лермонтова заимствований из сочинений поэтов-современников была замечена очень давно. Между тем Михаил Вайскопф обнаруживает случаи рецепции Лермонтовым-поэтом образов и мотивов из произведений современников-прозаиков, причем не первого плана. Впрочем, утверждение «Примечательна здесь <...> ориентация на писателей второго ряда, с которыми он, возможно, ощущал некоторое психологическое родство» (15) — результат аберрации восприятия, вызванной повышенным интересом ученого именно к массовой романтической продукции. Заимствования из произведений известных литераторов у автора «Паруса» и «Мцыри», как было давно показано, не менее часты.

Замечателен разбор повести, публикуемой под условным названием «Штосс»: исследователь показал, что Лермонтов одновременно ориентировался на разные типы сюжета и тем самым «поставил себе задачу с неполными и противоречивыми данными» (22), а потому закончить повесть не мог в принципе.

Но вот с трактовкой своеобразия нарративной поэтики «Героя нашего времени» согласиться совершенно невозможно. Михаил Вайскопф заявляет: «...то, что мы принимаем за новаторскую многоплановость изложения, зачастую оказывается простой эклектикой, смешением еще неотстоявшихся <так! — А.Р.> жанров, выдающим неуверенность молодого автора. <...> Плодотворным, хотя и парадоксальным, итогом этой писательской неопытности, соеди-

ненным с нарциссизмом, зато и оказалась множественность точек зрения, обогатившая русскую прозу» (17). Предпринятый лермонтовцами анализ романа доказывает, что композиция книги отличается несомненной продуманностью.

В двух статьях первого раздела — «Случай, который повторился: неучтенные источники Гоголя» и «“Мрачные образа”: об одном источнике двух повестей Гоголя “Портрет” и “Вий”» — указаны прежде не замеченные заимствования из современной писателю русской литературы второго и третьего ряда. Например, «знаменитый афоризм Андрия Бульбы “<...> Отчизна есть то, чего ищет душа наша” можно было еще раньше найти у второстепенного писателя Лесовинского в повести “Человек не совсем обыкновенный” <...>» (45). А «[ч]резвычайно важным общим импульсом для <...> “Портрета” и “Вия” послужила, несомненно, повесть Павла Сумарокова “Белое привидение, или Невольное суеверие”, изданная в начале 1831 года» (73).

Замечательна статья «Мнимый Гоголь в роли ревизора», в которой исследована рецепция гоголевских сочинений и фигуры их автора в повести Н. Ковалевского «Гоголь в Малороссии. Уездная быль» (1841), в свою очередь повлиявшей на редакцию «Ревизора» 1842 года и, возможно, на «Выбранные места из переписки с друзьями».

Менее убедительны утверждения в статье «Женские образы в “Войне и мире” и русская проза 1830-х годов», в которой доказывается определенная зависимость образа Наташи и семейной темы в толстовской книге от романа Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских» (1832), а также преемственность толстовской героини по отношению к отличающейся «необычайной девичьей витальностью» (118) юной княжне Серпуховской из романа А.П. Степанова. Антитезу *негативно оцениваемая Элен Курагина-Безухова, наделенная античной красотой — симпатичная естественная Наташа* Михаил Вайскопф возводит к аллегории Ф.Н. Глинки «Две сестры, или Которой отдать преимущество?» и к повести К.П. Зеленецкого «Княжна Мария» (1837). Знакомство с бегичевским романом подтверждено свидетельством автора «Войны и мира». Однако героиня «Семейства Холмских» — «вдумчивая и прекрасная девушка по имени София, которую автор шутливо величает “профессором премудрости”» (117), — мало похожа на пленительную, но некрасивую Наташу, которая, по выражению Пьера Безухова, «не удостоивает быть умной <...> обворожительна, и больше ничего». Ум для Толстого отнюдь не достоинство, а имя «Соня» он не случайно подарил не любимой героине, а ее блеклой и безжизненной родственнице — «пустоцвету». Знал ли Толстой другие сочинения, названные Михаилом Вайскопфом, неизвестно. Что же касается антитезы Элен — Наташа, то она в отличие от аллегории Глинки строится отнюдь не на оппозиции

языческого и православно-христианского, а на дихотомии искусственного и естественного. Жизненная энергия Наташи родственна языческой витальности, а ее мировосприятие не укладывается в рамки христианского вероучения. Невозможно согласиться и с мыслью исследователя о Толстом: «...как продемонстрировал Виктор Шкловский в книге <...> “Материал и стиль в романе Толстого «Война и мир»”, он в основном сохранял приверженность официальным ценностям» (120). Отчетливый и даже эпатирующий консерватизм писателя не только не был официальным, но и был явно полемичен по отношению к нему, что проявилось, в частности, в особенной трактовке войны 1812 года и ее признанных героев. Что касается Виктора Шкловского, то он именовал автора «самым крупным помещицким писателем», а роман — «дворянским» [Шкловский 1928: 13, 239], но отнюдь не официозным.

Из работ, составивших «фетовский» раздел книги, хочется выделить статью «“Цветочные спирали”: недоволощенность как конструктивный принцип», в которой продемонстрировано влияние «Мира как воли и представления» Шопенгауэра на комплекс представлений Фета и показано, что «разлитая в фетовской лирике неприязнь к законченной определенности сюжетных решений пересекается с эстетическими установками автора, чисто романтическими по своей сути» (213).

Из работ третьей части хотелось бы отметить статью «Пути Избавителя: конспирология в “Крысолове” Александра Грина», в которой отлично показана «мифополитическая подоплека» (372) повести — система символических мотивов, восходящих к юдофобской мифологии «Протоколов сионских мудрецов» и аффилированных с ними текстов. Менее убедительны результаты поиска отсылок к аллегорическому сюжету из гностического «Гимна жемчужине» в стихотворении А. Блока «Незнакомка»: блоковское *сокровище* совершенно необязательно является непосредственной вариацией гностической *жемчужины-души*, а *чудовище-толпа* — олицетворяющего материальный мир змея, стерегущего плененную жемчужину; блоковская поэтическая мифология исчерпывающе объясняется соловьевской софиологией. Зато Михаилу Вайскопфу удалось доказать роль гейневского стихотворения «В гавани» как претекста «Незнакомки».

В статье «Интертекстуальная экспозиция» из четвертой части убедительно выявлены многочисленные реминисценции из русской и ранней советской литературы в произведениях Набокова русского периода. Однако остается не очень ясным, как чрезвычайно высокая мера цитат и аллюзий у Набокова, характеризующая его как постмодерниста, связана с романтической установкой, присущей

его творчеству. Частичное обоснование утверждения об ориентации писателя «на базовые романтические и неоромантические модели» (478) содержится в заключительной статье раздела и всего сборника, названной «Нетки Цецилии Ц. О романе Набокова “Приглашение на казнь”», в которой выявлены такие значимые для романтической традиции подтексты набоковского произведения, как концепция Платона и индуистско-буддийская религиозная философия, и обнаружено влияние на роман «Мемуаров» Гейне.

К сожалению, книге явно недостает теоретической рефлексии над обнаруженными переключками текстов. Не разграничены нефункциональные вкрапления «чужого текста» — заимствования (это случай Лермонтова и Гоголя) и значимые отсылки к чужим текстам — реминисценции (случай Набокова). Впрочем, этот изъян объясняется тем, что «Агония и возрождение» романтизма, несмотря на присутствие в книге нескольких магистральных сюжетов, — не монография, а сборник статей, написанных в разное время по совсем непохожим поводам и изначально предназначенных для разных изданий. Между тем выявленные переключки произведений Лермонтова и Гоголя с современными им романтическими сочинениями — чрезвычайно ценный результат: на этом фоне более очевидно, что принадлежит эпохе, являясь общим достоянием, а что относится к художественным открытиям того или иного писателя.

Завершается книга пятью небольшими рассказами, в которых шуточно обыгрываются романтические сюжеты и мотивы. Эти любопытные тексты — свидетельства, что филолог тоже человек и ему свойственно попадать в зависимость, в сладкий плен от предмета собственного ученого интереса.

Поступила в редакцию 16.10.2023

Принята к публикации 19.12.2023

Отредактирована 15.01.2024

Received 16.10.2023

Accepted 19.12.2023

Revised 15.01.2024

ОБ АВТОРЕ

Ранчин Андрей Михайлович — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; aranchin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Ranchin — Dr. Sci, Professor, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS; aranchin@mail.ru